

Мир всегда предпочитал реальной истории «возвышающий обман». В России совсем недавно это уже обернулось дурной пародией на прошлую революцию¹. Но не станет ли однажды эта привычка трагическим самообманом? Опыт Октябрьской революции убеждает, что бегство от истории обходится куда дороже бегства от свободы.

Долгий путь к социализму. Три вызова марксистской традиции

*Шубин А.В.,
д.и.н., Институт всеобщей истории РАН*

Для большинства левых активистов, понимающих важность теории, пост-капиталистический проект является синонимом марксизма. В действительности социалистическая теория шире, и это придает ей большую устойчивость, возможность приобщаться к мудрости, высказанной людьми, не имевшими на челе штампа марксиста. Особенно это важно сейчас, когда марксистская традиция сталкивается с важными вызовами – неудача коммунистического проекта в СССР (вкуче в неудачами или очевидным прерождением других коммунистических режимов); кризис индустриального общества и социального государства, пост-индустриальные тенденции. Большинство марксистов сегодня пытаются решить эти проблемы «своим умом» или с помощью цитат основоположников. Путем приложения привычной методологии к новым явлениям. Я не оспариваю правомерность этой работы. Но вот методологическое поле полезно расширить до границ социалистической теории в целом, и это предоставит современной теории социализма второе дыхание.

¹ См. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М., 2007.

Вызов Октября

Когда мы говорим о начале пути к социализму, то прежде всего вспоминаем об Октябре 1917 года. Старт ли это? Или – промежуточная станция? Или вообще событие из другого ряда? Октябрь как этап в развитии Великой Российской революции не сводится к большевистскому перевороту. В этом событии переплелись разные социалистические тенденции, от анархистов до эсеров (да и большевики не представляли из себя в это время монолитное течение). Октябрь открыл дорогу не только коммунистическому проекту, но и спонтанной самоорганизации масс. И все эти тенденции переплетались и сталкивались в конце 1917 г. – начале 1918 г., образуя сложную ткань революции.

Этот сложный октябрьский импульс породил противоречивое советское общество, где коммунистический режим вынужден согласовывать модернизационный проект и коммунистическую идею с традицией страны, учитывая реакцию населения, проявляющуюся то в поддержке, то в саботаже, то в бунте. Это согласование могло быть гораздо более эффективным и безболезненным, если бы было институционализировано в устойчивой демократической системе советов и левом фронте большевиков, эсеров, левых социал-демократов и анархистов, намечавшемся в 1917-1918 гг., но неоднократно срывавшемся. Неудача широкого фронта социалистических сил стала необратимой, когда централизаторская сила партократии возобладали над советской самоорганизацией. Это было во многом закономерно, соответствовало задачам обороны и индустриальной модернизации, но отклоняло коммунистический проект в сторону от формирования социалистических отношений.

Признавая право первородства основоположников социалистического учения (включая Маркса). Мы должны признать и то, что Октябрь не привел к возникновению социалистического общества. Социализм – это общество, в котором отсутствует элита, господствующая над массами трудящихся. В СССР легко обнаружить признаки угнетения и господства, существовал выраженный бюрократический класс. Это – не повод к проклятиям в адрес советского общества, своими средствами оно решало задачи индустриальной модернизации, сформировало социальное государство, встав вровень с другими индустриальными странами. Это – достижение, но это – еще далеко не социализм. А вот Октябрь прицеливался выше, и в этом его непреходящее значение, пока сохраняется классовое государство.

За рывок в светлое индустриальное будущее нужно было платить отказом от социалистических принципов равноправия, народовластия и самоорганизации. От принципов Октября. Но отказ на практике еще не означал отказа в принципе, в идее, в культуре. Образ Октября остался гарантом изначальных принципов советской цивилизации.

Беда левой мысли XX века – попытка найти в советской истории некую точку грехопадения, после которой процесс, запущенный в Октябре, пошел «не туда». Но, может быть, дело не в ошибке (злодействе) Сталина или Хрущева, а в какой-то

изначальной «родовой травме»? Может быть, следует на себя оборотиться и посмотреть, что такого в марксизме было, что позволило Бакунину, почитав работы Маркса, предсказать появление нового класса и деспотических режимов XX века под красным флагом. И ведь это писал человек, который ничего не слышал ни о Ленине, ни о Сталине: "По Марксу народ не только не должен его (государство – А.Ш.) разрушить, напротив, должен укреплять и усилить, и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей и учителей — начальников коммунистической партии, словом, г. Марксу и его друзьям, которые начнут освобождать его по-своему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивший все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производства, а массу народа разделят на две армии: промышленную и земледельческую, под непосредственное командою государственных инженеров, которые составят новое привилегированное научно-политическое сословье"¹. Это написано о «Манифесте коммунистической партии». Позднее Маркс учел бакунинскую критику, но ее не учли многие последователи Маркса. Социальные закономерности оказывались сильнее программных «сдержек и противовесов» марксистского теоретического наследия. Это предусмотрел Бакунин: "С какой точки зрения не смотри на этот вопрос, все приходишь к одному печальному результату - управление огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только сделаются представителями или правителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственности, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом"².

Бакунин вскрывает недемократичность любого государства, как марксистского, так и нет: "всякое государство... даже самое республиканское и демократическое, даже мнимо-народное государство, задуманное господином Марксом, в сущности своей не представляет ничего иного, кроме управления массами сверху вниз посредством интеллигентного и потому самого привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ"³. Очевидно, однако, что правящее меньшинство может быть и не интеллигентным. В любом случае — это насильственное господство элиты над обществом со стороны людей, считающих себя обладателями научной истины:

¹ Бакунин М.А. *Философия, социология, политика*. М., 1989. С.485-486.

² Там же. С.483.

³ Там же. С.314. Маркс не разделял идеи народного государства, и эта фраза может быть отнесена полностью только к Лассалю. Но в общем контексте она направлена против марксистов не менее, чем против лассальянцев. Тем более, что Бакунин ясно выступает и против идей «нового рабочего, народного государства» (то есть против и Маркса, и Лассалья).

«будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократиею действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит, он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение!»¹.

XX век добавит немало штрихов к этому портрету. За предложенной Марксом моделью общества Бакунин видит сверхмонополистические капиталистические интересы будущей элиты: "Государство является, конечно, наиболее сильным из всех акционерных обществ... Труд, кредитованный государством, таков основной принцип авторитарного коммунизма, государственного социализма. Государство, ставшее единственным собственником... будет также единственным банкиром, капиталистом, организатором, управляющим национальным трудом и распределяющим его продукты. Таков идеал, основной принцип новейшего коммунизма"². Государственный «социализм» оборачивается сверхмонополистическим аналогом капитализма.

На основе марксистского экономического централизма можно провести форсированную индустриализацию, построить социальное государство, мировую сверхдержаву, но не социализм. Оправдавшись несмотря на некоторые корректировки взглядов Маркса и его последователей, прогноз Бакунина стал серьезным предупреждением теории «государственного социализма». От нее можно было бы отмахнуться, если бы прогноз. Сделанный на основе «неверной» теории, не воплотился в суровое пророчество реальной истории XX века.

Критика со стороны Прудона, Бакунина, Михайловского была отчасти учтена марксизмом, начался идеологический синтез в социалистическом учении, но до 1917 г. его полнота была явно недостаточна, что предопределило неготовность большевистских теоретиков ко многим вызовам практики (таким, как «перерождение рабочего государства», «запаздывание» мировой революции, прорастание национальных начал в социальном проекте и т.д.). Коммунистический проект, устремленный к предельным вершинам человеческой истории, был в то же время ребенком своего времени – индустриального и авторитарного.

Большинству левых еще предстоит научиться различать временный тоталитарный каркас, на котором развивалась советская культура, и ее гуманистические достижения. Для продуктивного формирования нового социалистического проекта необходимо не только учесть опыт XX века, но и продолжить согласование и синтез разных социалистических традиций, а также учитывать пост-индустриальные тенденции (провиденные уже русскими народниками). Задачи пост-индустриального уровня СССР решить не смог и, ударившись об этот барьер, распался и откатился в нынешнее болото Третьего мира.

¹ Бакунин М.А. Философия, социология, политика. С.483.

² Бакунин М.А. Избр. соч. Т.4. Пг., - М., 1919-1926. С.176.

Соответственно, движение вперед от периферийного капитализма просто невозможно без решения задач, которые не удалось осуществить в 80-е гг.

Все это снова ставит вопрос о тщательном пересмотре багажа социалистической теории, об особенном внимании к левым оппонентам марксизма, к опыту синтеза достижений разных социалистических течений.

Наиболее уязвимой стороной марксистского проекта с точки зрения задач социализма был его экономический централизм и индустриальный прогрессизм. Но эти же черты составляли силу марксизма на этапе индустриальной модернизации. Сегодня, когда заметны признаки индустриальной эпохи, особенно важно вскрыть различие социалистических и индустриально-модернизационных задач.

Народнический вызов

На это различие еще в XIX веке указывали народники. И эти идеи сегодня становятся особенно актуальны, тем более, что представляют собой еще один образец социалистической футурологии, на столетия опередившей авторов пост-индустриальных теорий второй половины XX века.

Наиболее радикальный ответ на вызов индустриальной модернизации дал Н. К. Михайловский. Он дал определение прогресса, прямо противостоящее наблюдаемым технико-экономическим процессам: «Возможно полное и многостороннее разделение труда между органами человека и возможно меньшее разделение труда между людьми, таков предлагаемый нами принцип, такова цель, которую мы указываем как наилучшую... Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, полезно и разумно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»¹. Впервые гуманизм прямо бросил вызов индустриализму. Впервые был выдвинут критерий прогресса, который не отдавал человека на съедение индустриальному Молоху с его специализацией. При этом, в отличие от преодоления отчуждения у марксистов, Михайловский говорил не об идеальном финале, за которым государство превращается в не-государство, труд исчезает и прежняя история прекращает течение свое. У Михайловского речь идет об отношении к реальному экономическому процессу. В том числе и процессу эпохи капитализма. Он предлагает не идеал, а вектор развития.

Для либеральных и марксистских теоретиков мысль Михайловского была абсурдна и ретроградна, ведь он противопоставил прогрессу специализацию, считавшуюся технократами его главным признаком. Не случайно, марксисты ополчились против этого отношения к прогрессу – ведь за ним стояла и критика

¹ Михайловский Н.К. ПСС. Т.1. СПб., 1911-1914. Стб.148-150.

происходящего в России перехода к капитализму. Г. Плеханов упрекнул Михайловского в том, что он «изгоняет законосообразность во имя «желательного»»¹. Вслед за немецкими учителями Плеханов был готов принести «желательное» (т.е. гуманистические ценности социалистического проекта) в жертву экономическому фатуму. На стороне Плеханова были наблюдаемые явления индустриального прогресса, и историческая близорукость не позволяла ему даже понять мысль Михайловского. Наблюдаемые экономические процессы не всегда прогрессивны, развитие общества сложнее, чем простое движение из пункта «А» в пункт «Б». Чтобы найти путь к желаемому будущему, иногда следует бросить вызов современной тенденции.

Н. Бердяев развивает мысль Плеханова: «Михайловский призывает личность бороться с историческим процессом во имя своего идеала, но он нигде не говорит о том, может ли личность рассчитывать на победу»². Действительно, Михайловский мало писал о «конечной цели» (выражаясь словами Э. Бернштейна), он не внес вклад в разработку модели социализма, признавая достижения Прудона, Герцена и Лаврова в этой области. Но его вера в победу «борьбы за индивидуальность», ничуть не меньше, чем вера марксистов в экономическое развитие.

Но борьба за индивидуальность на уровне каждой личности идет с переменным успехом, потому что общество строится на противоположных принципах. Михайловский, в отличие от Маркса, не дает гарантии победы. Бердяев бросает неосторожную фразу: социология Михайловского «практически бесплодна», так как не может дать «радостного прогноза». Это позволяет Михайловскому подвергнуть уничтожающей критике самодовольный оптимизм современных ему русских марксистов. Эта критика относится не только к ревизионистам Бердяеву и Струве, которым Михайловский отвечал в данный момент. Марксистская философия истории основана на «радостном прогнозе», в соответствии с которым победа марксистского социального проекта обеспечена самим экономическим прогрессом. Но, по мнению Михайловского, прогноз должен быть не радостным, а объективным, «соответствовать реальности, радостной или печальной». Во всякой эпохе есть немало вариантов развития, которые могут вызывать совершенно разную оценку. Михайловский никак не может согласиться с однолинейной философией истории, в соответствии с которой, по выражению Энгельса, «без античного рабства не было бы современного социализма». Михайловский возражает: «при чем здесь объективность? На безмерно огромном поле истории совершенно произвольно намечены две точки: античное рабство и современный социализм – и соединены прямой линией». Но прогресс – это улучшение, а не все, что было в истории. Если из античного рабства вышла вся европейская культура (что тоже не очевидно), то не

¹ Плеханов. Соч. Т.7. С.103

² Цит. по: Последние сочинения Н.К. Михайловского. СПб., 1905. Т.1. С.446.

только социализм, а еще и колониализм, разгром Парижской коммуны и исключительный закон против социалистов. Не считают же марксисты все эти явления прогрессивными¹.

В соответствии с марксистской философией истории вслед за феодализмом наступает капитализм, а за ним – социализм (коммунизм). Михайловский видит, что вслед за разными вариантами доиндустриального общества приходят разные варианты современности. Они могут породить социализм, а могут – нечто совершенно иное. XX век подтвердил оправданность этого более сложного взгляда на развитие общества, явив миру три классические дороги государственно-монополистического индустриального общества – советскую, фашистскую и западную.

Задача активной личности – не наблюдать автоматическое, неизбежное пришествие идеала, а бороться за тот путь в будущее, который ближе к идеалу. Иначе реализуется совсем иной вариант возможного будущего.

Что же из разных путей в будущее прогрессивно с точки зрения социалиста? Социализм отличается не тем, что он индустриален (это могло быть и так, и не так), а соединением работника и условий его деятельности. Значит, социалист должен способствовать этому соединению и препятствовать отчуждению работника от орудий труда.

При всех успехах капитализма, его преимущества над разрушаемым традиционным обществом очень относительны: «Пока система наибольшего производства только освобождала личность, разбивая узы цехов и монополий, на нее возлагались всяческие надежды, а по мере того, как стал обнаруживаться ее двусмысленный характер, ее стремление заменить одни узы другими – надежды стали ослабевать. Старые узы оказались в некоторых отношениях сноснее новых потому, что они все-таки гарантировали личность от бурь и непогод. Явилась мысль применить их старые принципы к требованиям нового времени...»² Речь идет об общине и цеховой организации³ (таким образом народничество предвосхищает родственное ему британское течение гильдейского социализма). На основе этого традиционного опыта можно выстроить новую систему общественной солидарности. С точки зрения народника, нельзя пожертвовать ей в угоду индустриальному прогрессу.

Михайловский, много сделавший для развития социальной науки, для выяснения закономерностей общественного развития, был в то же время категорическим противником фатализма и детерминизма. Он выступал против характерного для нигилистов и некоторых марксистов отождествления нравственного и необходимого: «Нравственное – значит желательное; естественное – значит

¹ Последние сочинения Н.К. Михайловского. Т.1. С.446-450.

² Михайловский Н.К. ПСС. Т.1. Стб.440.

³ Там же. Стб.464.

необходимое, - это две различные категории»¹. Нравственно действие, гуманизирующее исторический поток. Содействие predetermined целям, неизбежной тенденции – вненравственно и во многом бессмысленно. Зачем действовать, когда все само получится в соответствии с железными законами общественного развития?

Михайловский благосклонно отнесся к «Капиталу» Маркса, поддержав критику Марксом капиталистического разделения труда. Но из «Капитала» Михайловский делает свои выводы. Нужно сделать все «для предотвращения неправильности европейской цивилизации». Не нужно ждать «развития батрачества, чтобы сказать, что свобода умирать с голоду не есть свобода»².

Михайловский, позволивший себе усомниться в универсальности марксовской схемы, подвергся жесткой критике, а иногда и просто ругани со стороны Г. Плеханова, П. Струве и В. Ульянова. Позднее П. Струве вынужден будет перейти на позиции Михайловского по большинству позиций, где народник нашел уязвимые стороны марксовской теории. Но это можно объяснить «ревизионизмом», отходом Струве от марксистского учения. Но со временем и для Ленина Михайловский станет непризнанным учителем, фактически наметив программу эволюции левого крыла марксизма³. Поэтому не случайно, что Ленин поставил его имя на обелиске в Александровском саду.

По мнению Михайловского национальный, психологический, семейный, властный факторы играют не меньшую роль, чем экономические тенденции. Откликаясь на критику – в том числе и народническую – марксистские авторы первоначально отвечали жестко и часто грубо. Но затем, спустя годы и даже десятилетия, марксизм откликнулся на вызов все более внимательным отношением и к психологическим, и к этно-национальным, и к семейным, и к иным факторам социального развития.

Маркс оказался мудрее своих учеников, и согласился с Михайловском в том, что нельзя превращать предложенный в «Капитале» «исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, - для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека»⁴.

При этом Маркс отрицал, что первоначально высказывал претензию на универсальность своей схемы. Но, как справедливо пишут В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг, несмотря на все усилия, «Михайловский не нашел в марксовом изложении

¹ Там же. Стб.390.

² Там же. Т.10. Стб.9-10.

³ Подробнее см. Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007. С.504-509.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.120.

ни одного места, говорящего хоть о каких-либо исключениях из закона естественно-исторической смены формаций»¹. Маркс не внес поправок в «Капитал», которые разъясняли этот вопрос, не упомянул о нем в предисловии к «Капиталу»². Это так. Но, во-первых, фраза Маркса вовсе не обязательно свидетельствует об отказе от формационной теории как таковой – формации тоже могут быть разными. Во-вторых, в рукописях, не доступных читателям того времени, Маркс все-таки начал рассматривать возможности существования параллельных, а не последовательных способов производства, из чего вытекает теория об «азиатском способе производства», параллельных путях развития цивилизации.

Размышления на тему разных путей прогресса привели Маркса и Энгельса к более широкой концепции взаимодействия революций в развитых капиталистических странах и обществах, только вступивших на путь капиталистической модернизации. Этому способствовал и подъем революционного движения в России. Революция может начаться не на Западе, а, как и предсказывал Бакунин, именно «на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией революции»³. Здесь Маркс соглашается не только с народническим ожиданием революции в России, но и прогнозирует более широкое явление, которое позднее получит от Ленина наименование «Пробуждение Азии». «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁴. Эта формула стала полем компромисса, который устроил бы и Бакунина. Она соответствовала взглядам эсеров и после некоторых колебаний, была принята Лениным. Однако колебания российских последователей Маркса были не случайны. Общинный социализм расходился с марксизмом не столько в отношении к капиталистическому прогрессу (в конце концов оба течения относятся к нему в той или иной степени критически), сколько в конструктивной программе.

Россия не смогла уклониться от пути капитализма и от экспроприации крестьянства. Значит ли это, что в споре Михайловского и марксистской, к которому мы еще будем возвращаться, Михайловский был не прав? Во-первых, Михайловский ставил задачу, и народники начала XX века – эсеры, боролись за ее воплощение в жизнь. Они проиграли. Но ведь и экспроприация крестьянства была проведена не буржуазным режимом. Получается, что дело – не в капитализме, а в индустриализме. Спор велся о том, насколько можно сгладить издержки индустриальной модернизации. Народники выступали за то, чтобы индустриальный сектор не разрушил то в традиционном обществе, что продолжает служить людям, чтобы

¹ Твардовская В.А., Итенберг Б.С. русские и Карл Маркс: выбор или судьба. М., 1999. С.189.

² Там же. С.190.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.34. С.230.

⁴ Там же. Т.19. С.305. Эта тема рассматривается и в знаменитом письме К. Маркса к В. Засулич.

преимущества от технологического прогресса получала не узкая каста собственников, а все население.

Путь России в индустриальное будущее оказался совсем не таким, как на западе. Марксисты были правы в том, что нельзя миновать фазу индустриального общества, которую они связывали с капитализмом. Народники оказались правы в том, что можно миновать общество, в котором преобладают капиталистические отношения. Развитое индустриальное общество в нашей стране сложилось в рамках совсем другой модели, синтезировавшей традиции авторитарной культуры и общинного коллективизма, марксистскую идеологию, вобравшую многие народнические идеи, и мессианский вызов, присущий России задолго до споров социалистов.

Каждое общество проходит универсальные фазы развития (впрочем, отличающиеся от указанных Марксом и Энгельсом), но оно движется своим путем, в соответствии со своим этно-национальным «кодом», своей традицией, которую народники учитывали гораздо внимательнее, чем марксисты.

И еще одно важное обстоятельство. Подошел к концу XX век. Пролетариат власти не взял. Индустриальное общество прошло пик своего развития. Человечество ищет новые формы своего существования. А вот предсказанный Михайловским и желательный процесс диверсификации, снижения специализации, происходит все заметнее. С развитием компьютеризации и гибких технологий он уже стал технологически возможным, хотя для окончательного успеха прогресса по Михайловскому необходимо изменение социальных структур, сформировавшихся в соответствии с требованием индустриального сверхспециализированного общества. Дав свое определение прогресса, Михайловский указал на те предпосылки, которые необходимы для возникновения мира, «желательного» человеку. Он указал на фундаментальное экономическое основание пост-индустриального общества – преодоление узкой специализации.

Вызов XXI века

Если современная система глобализма рухнет, путь вперед, к чему-то принципиально новому может предложить только социализм. Остальное – это возвращение к обстановке Великой депрессии, чреватой мировой войной, а то и к большему одичанию. Но и социалистический проект не может быть сегодня «социализмом старого образца», рассчитанным на образцы индустриальной модернизации (что мы видим, например, в Венесуэльском эксперименте). Такой проект в XXI веке обречен на поражение.

В этом значении социалистической мысли для современного мира. В этом – «должок» левых перед обществом, накопившийся за 90 лет.

Без конструктивной альтернативы существующему обществу сбой в функционировании глобального миропорядка может привести к откату общества во времена этнократии, ожесточенной борьбы национал-государственных машин за ресурсы, к трайбализму и контрмодерну. Развитие человечества не может быть

устойчивым, если оно опирается на узкий спектр идей между либеральным глобализмом и этнократическим национализмом. Для того, чтобы общество могло сделать следующий шаг в будущее (а не назад в древность), ему необходима модель пост-капиталистического общества, и здесь никак не обойтись без наследия социалистической мысли.

Индустриальные формы господства подрываются современными культурно-технологическими тенденциями. Индустриальное общество прошло пик своего развития. Предсказанный Михайловским процесс диверсификации, снижения специализации, развития многофункциональности человека проявляется все заметнее.

Идеологическая доктрина правящей в странах Запада элиты утверждает, что произошел качественный сдвиг от индустриального к постиндустриальному обществу. Не происходит, а произошел. Подмена возможности совершившимся фактом нужна именно для того, чтобы обосновать ненужность социальных перемен, достаточность только технологических и культурных сдвигов. Либеральные марксисты вносят свой посильный вклад в доказательство этого тезиса. Но сами доказательства противоречат очевидным фактам: информационные технологии и культурное творчество пока развиваются под контролем старой управленческой элиты — государственных и предпринимательских структур. К тому же, чтобы преувеличить роль постиндустриального сектора, к нему относят службу сервиса, которая в реальности организована преимущественно либо на индустриальных (фаст-фуд, например), либо на доиндустриальных ремесленных принципах.

Рост объемов информационного обмена, количества людей, занятых в работе с информацией — недостаточно, чтобы говорить уже о принципиально новом обществе. Ведь рост числа бюрократов, перебирающих бумаги — не признак роста «информационного сектора». Распространение информационных технологий само по себе не излечивает многочисленных социальных нарывов на теле цивилизации, не означает качественную перемену в развитии общества.

Технологический прогресс тоже не обеспечивает фатального безальтернативного прогресса. Вся история индустриального общества — это постепенное вытеснение ручного труда машинным. Полное вытеснение ручного труда не осуществилось ни в одном, даже самом развитом индустриальном обществе. Полная автоматизация промышленности — некий предел, и если он будет достигнут, то можно будет говорить о качественно отличном от индустриализма постиндустриальном обществе, в котором сам работник уже не является узким специалистом, придатком к машине. В автоматической системе такой придаток уже не нужен, и человек либо ставит креативные задачи перед машиной, либо вообще исключается из сверхиндустриальной системы производства и превращается в пассивного и безвластного потребителя продукта.

Постиндустриальные отношения лишь тогда могут считаться таковыми, если они качественно отличаются от индустриальных и доиндустриальных. Если новое общество — не вариант индустриального, то будут преодолены важнейшие черты

прежней формации: специализация будет вытесняться многофункциональностью, воспроизводство по шаблонам – креативностью, вертикальные формальные отношения управления – сетевыми горизонтальными неформальными связями, прямое подавление и принуждение – манипуляцией с одной стороны и самоуправлением – с другой. Важная и наиболее заметная черта новых отношений – преобладание моделирования реальности над производством типовой продукции. Поэтому содержательно грядущую формацию можно характеризовать как моделирующую. Но в ней, как и в индустриальной формации, будут развиваться различные тенденции – и господство, и свободное социальное творчество, и угнетение, и солидарность. Одна тенденция – манипулятивный авторитаризм (элитаризм), другая – креативный социализм.

Эволюция технологии – необходимое, но недостаточное условие для перехода к принципиально новому обществу. Технический детерминизм недостаточен для объяснения нынешних социальных перемен. Если бы компьютер изобрели в начале XX века, он был бы использован не для создания коммуникационных сетей, а для гигантских плановых центров государства. Нынешнее развитие технологии в свою очередь обусловлено более широким полем культуры, запросом на креативность. Этим запросом продиктованы ослабление диктата управленца, усиление свободы творчества автономного производителя, смена принципов субординации – назначенчество и верховенство собственника будут уступать место критерию знаний и творческих навыков. Это облегчает горизонтальные контакты не только внутри производственной группы, но и вне ее, в корневых гибких связях небольших автономных групп.

Промышленные корпорации стремятся (и не безуспешно) подчинить себе автономные креативные ядра. Но опыт показывает, что производство новой информации требует более гибких форм управления, большей автономии производителя-творца, чем это принято в жестко управляемой индустриальной организации. Информационный продукт производят люди, которые лучше разбираются в своем деле, чем их начальник. Отсюда – необходимость в манипуляции сознанием, когда управляемый не замечает своей зависимости. Работники моделирующего сектора могут развиваться свободно от управленческого диктата, но это – только возможность. Ведь для этого креативный слой должен быть свободен и от самого элитаризма, даже от собственных привилегий, дабы иметь открытый характер, свободно пополняться, «втягивать» в свой состав творческие элементы других слоев, формируя тем самым многообразный социум самостоятельных самоуправляемых социальных организмов, состоящих из работников-владельцев.

Разнонаправленные процессы – укрепление структур глобального информационно-экономического управления (а значит – и глобальной информационно-финансовой элиты) и складывание системы горизонтальных информационно-неформальных (информальных) и гражданско-договорных, основанных на согласовании, связей – ведут к возникновению противостоящих

секторов моделирующей формации (что не исключает формирования также смешанных и синтетических секторов). Возможно, именно социализм станет одним из полюсов общества, преобладающего в истории XXI века.

Социалистический сектор первоначально будет существовать параллельно с другими. Он нуждается в надежной защите от разрушения, от агрессии более примитивных социальных форм – капитализма, государства, мафиозных кланов и др. Поэтому социализм заинтересован в развитии и укреплении различных форм народовластия (самоуправления и федерализма) и правового, организованного общества, а также в защите социальных, экологических, гражданских стандартов и внешнеполитической безопасности.

Таким образом, социализм XXI века – это не устройство государства, а сектор общества. Его формула: творческий характер деятельности работников-совладельцев средств производства + самоуправление + федеративная демократия + договорное право и неукоснительное выполнение взятых на себя обязательств + равноправные, информальные и гражданские связи.

Картина будущего будет зависеть от того, какая из двух основных тенденций возобладает – информационный манипулятивный тоталитаризм или социалистические креативные информальные структуры. Как и в XX столетии, где модель индустриально-этократического общества осуществилась в различных формах (советской, фашистской, американской), в XXI веке будут существовать разные варианты новой общественной системы.

В современном мире наблюдается серьезный перекоп в скорости вызревания предпосылок новой формации «сверху» и «снизу». Если система нового управления в современном мире почти достроена, то «противовес» в виде новой структуры общества, далек от завершения. В случае межформационной революции с центром на Западе может возникнуть тоталитарная модель новой формации, где управление подавляет саморегулирование (нечто подобное произошло в ряде стран в XX веке, когда неизбежный переход к индустриальному социальному государству привел к появлению тоталитарных режимов).

Ситуацию усложняет и то обстоятельство, что прорыв к социализму первоначально практически невозможно совершить всему обществу в силу его разнородности, привязанности большинства населения к мещанскому, по сути животному миру. Переходное общество должно обеспечить возможность движения к будущему, к социализму для тех, кто желает, оставив на долю остающихся уровень «зажиточности» (выражаясь языком современных китайских коммунистов) и роль тыловой базы социалистического сектора. Как в XX веке социальная система СССР при всех ее недостатках стала базовой площадкой для научно-технических и культурных достижений Советского Союза, так и прочное социальное государство может стать тылом для развития социалистического сектора. Таким образом, социализм возникнет сначала как сектор, а не система государства.

Виртуальная культура допускает возможность одновременного сосуществования на одной территории субкультур с разными мировоззрениями и

собственными системами управления. Вероятно даже сосуществование на одной территории разных государственно-политических систем, которые вовлекают пользователей различных теле- и интернет-каналов. Некоторые мировые субкультуры могут начать играть роли, сопоставимые с ролью отдельных государств. Социалистический сектор может быть одним из них, преобладая в нескольких странах, но влияя на жизнь гораздо более широкого ареала. Без этого ареала и глобальных связей территориальные очаги социализма вряд ли смогут сохраниться. Социализм может также распасться на несколько самостоятельных конкурирующих субкультур. Найдут ли они возможность для согласования своей деятельности, сближения идей и стратегий?

От этого зависит, насколько успешным будет продолжение истории социализма в XXI веке, насколько гуманным, демократичным, свободным, солидарным и творческим будет будущее человечества, наше будущее.

Русская революция: национальная смута или мировой триумф?

*Дзарасов С.С.,
д.э.н., Институт экономики РАН*

Вызываю огонь на себя!

Нынешний год является юбилейным дважды. Девяносто лет назад произошла в начале года Февральская, а к его концу – Октябрьская революция. Еще через десять лет будет самая круглая дата – их столетие. Обычно принято отмечать юбилейные даты каким-то обязательным ритуалом, а мне кажется, что лучшим способом их выделения из всей цепи событий является другое: с высоты ушедшего времени как можно объективнее рассмотреть происходившее тогда для понимания того, что происходит теперь.

Объективность – вот чего всегда не хватало взгляду на русскую революцию. Хотя считается, что время – лучший помощник тому, чтобы освободиться от субъективизма и встать на почву беспристрастности в оценке исторических событий,